

ГАРОЛЬД
ЛЭМБ

БАБУР-ТИГР

ВЕЛИКИЙ
ЗАВОЕВАТЕЛЬ
ВОСТОКА

Nomen est Omen

Гарольд Лэмб

**Бабур-Тигр. Великий
завоеватель Востока**

«Центрполиграф»

2002

Лэмб Г.

Бабур-Тигр. Великий завоеватель Востока / Г. Лэмб —
«Центрполиграф», 2002 — (Nomen est Omen)

Эта книга – беллетризованное жизнеописание потомка Тимура и Чингисхана, основателя династии Великих Моголов, в которой ярко повествуется обо всех значительных событиях эпохи его правления. В ней оригинально сочетаются авторская интерпретация исторических фактов и фрагменты из «Бабур-наме» – автобиографического произведения самого Бабура, что позволяет читателю зримо ощутить атмосферу ушедшей эпохи.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 Долина	10
Картины на стене	10
Низвержение голубятни	13
«Как галька, выброшенная на берег»	17
Отсутствие Султан Али	20
Сто дней в Самарканде	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гарольд Лэмб

Бабур – Тигр. Великий завоеватель Востока

Предисловие

По христианскому летосчислению Бабур родился в 1483 году, в одной из долин, расположенных в горных районах Центральной Азии. Кроме этой долины, у его семьи не было другого достояния, если не считать двойной традиции власти. По линии матери род мальчика восходил к самому Чингисхану – повелителю монгольского улуса, едва не ставшему покорителем вселенной в ее известных тогда пределах, а по линии отца его предком был Тимур-и-Лэнг – Железный Хромец, воинственный тюрк, которого европейцы именовали Тамерланом. Таким образом, военный опыт и необузданность монголов смешались в его крови с напористостью тюрков. Двойное наследство имело и более глубокие корни – общее происхождение от кочевых народов.

С незапамятных времен кочевые племена Северной и Центральной Азии существовали за счет скотоводства и охоты, в которой проявляли исключительную сноровку. Дорогами им служили пересохшие русла ручьев, земельными наделами – пастбища среди пустынь, а убежищем – поросшие лесом горы. В поисках безопасных мест обитания и лучших пастбищ они мигрировали через заснеженные перевалы со всем своим имуществом – овечьими отарами, табунами лошадей и крытыми войлоком шатками юртами. Время от времени, вдохновляемые каким-нибудь влиятельным главой рода, кочевые племена объединялись в захватнические орды, включающие в себя всех способных держать в руках оружие мужчин. Воины на выносливых, хоть и низкорослых степных конях были вооружены луками-сагайдаками и носили кольчуги либо безрукавки из толстой кожи для защиты от вражеских стрел. Покидать свои богом забытые уделы их вынуждала засуха, или более сильные племенные союзы, или алчная зависть к роскоши далеких городов. Грабительские набеги кочевников повторялись с привычной регулярностью природного явления. В отдаленной Западной Европе появление первых волн гуннов, аваров, булгар, тюрков и монголов порождало слухи о гневном Господнем и выходе из заточения племен Гога и Магога.

Что касается Бабура, то образ жизни его предков был для него в значительной степени лишь воспоминанием. Впрочем, кочевнические инстинкты были в нем все еще сильны, несмотря на то что именно кочевников он считал своими заклятыми врагами.

Мигрирующие племена Центральной Азии развили в себе особые способности. Непрерывная борьба с суровым климатом способствовала выносливости и предприимчивости; необходимость защищать свое жилье, стада и более слабых домочадцев превратила их в опытных организаторов. Утверждение о том, что во время военных действий свирепые конники не раз доказывали свое превосходство над изнеженными горожанами, давно превратилось в избитую истину. И лишь изредка можно встретить суждение, что их превосходство объяснялось острым умом и способностью приспосабливаться к обстоятельствам. Один из первых миссионеров-римлян заметил, что в ходе военных действий «татары» проявляли себя куда меньшими варварами, чем воины христианской Европы. Почти за поколение до Бабура кочевые племена турков-османов захватили практически неприступный Константинополь, и это объяснялось не столько превосходством в силе, сколько великолепной организацией переправы через Босфор, а также использованием новейшей осадной артиллерии.

Завоевания древних победителей – ханов и султанов из Центральной Азии – подтверждают их незаурядные способности к стратегии. В течение двух поколений широкомасштабные военные действия под знаменами Чингисхана стерли с лица земли множество городов,

освободив место для нового строительства. Хубилай-хан, правитель Китая, который монголы называли Великим Юртом, вряд ли мог распорядиться о возведении «величественного прекрасного дворца», однако построил резиденцию в охотничьих угодьях и отремонтировал торговые дороги, как свидетельствовал мессир Марко Поло. При своем организаторском таланте монгольские ханы обладали чувством ответственности за весь мир. Их китайская династия Юань стояла во главе обширной империи; ильханы в Персии, обосновавшись в культурном Тебризе, взяли под свое начало крайне дезорганизованные территории и применяли научные методы руководства. Позднее османы основали крупное государство – Османскую империю (в Европе ее именовали Оттоманской) – и сделали своей столицей Константинополь, в котором до их прихода царил глубокий застой. Именно в это время Камбалу, Тебриз и Константинополь, прежде не поддерживавшие между собой никаких отношений, установили дипломатические и торговые связи. Установившийся мир, часто называемый монгольским, был в большей степени результатом умелого правления, чем возросшей военной мощи. Таким же был и *рех Романо*¹ за тысячу лет до пришествия монголов.

В то время как железная рука Рима поддерживала порядок, основанный на жесткой системе законов, монгольские ханы исходили из правил, предписанных Ясой – кодексом жизни кочевников, составленным по приказу и при участии Чингисхана. Великий завоеватель преудгадал возвышение кочевой знати – «всех тех, кто живет в войлочных юртах», – над подвластным ей земледельческим людом. Сила степной знати должна была, по его убеждению, основываться на непобедимом войске орды; контроль за армией поручался лишь его собственным потомкам – *Алтын Уруку*². Единственными советниками правящего Золотого рода могли быть нойоны – умудренные в боях полководцы. Однако великий завоеватель не мог предвидеть, что его потомки получат совсем иное воспитание.

За два поколения многие из них совершили свой последний переход – в чужие богатые города. Уместно заметить, что раньше, чем внук Чингисхана Хубилай окончательно завоевал Китай, одержав победу над вымирающей династией Сун, Китай покорил самого Хубилая. Важную роль в расколе Золотого рода сыграли и вопросы религии. В эпоху своих завоеваний тюрки и монголы были язычниками, терпимыми – или безразличными – к религиям других народов. Постепенно монархи династии Юань склонились к буддизму, а ильханы Персии – к исламу. В действительности при жизни Бабура на обширных территориях, простиравшихся от скованных льдами плато Тибета до далеких берегов Волги, традиции Ясы оказались вытеснены строгими законами ислама. В этом сражении Чингисхан потерпел поражение от Мухаммеда.

Таким образом, слившись с чуждыми цивилизациями, потомки завоевателя отделились друг от друга, а степная знать – монгольские нойоны и тюркские тарханы – постепенно рассеялись среди культурного общества оседлых землевладельцев, торговцев, а также их философских и религиозных наставников. И снова, повинуясь естественным законам, начал разгораться конфликт между уцелевшими кочевыми племенами и оседлым населением. Две области из тех, что Чингисхан пожаловал во владение своим сыновьям, не изменили кочевому образу жизни и в большей или меньшей степени придерживались законов Ясы.

Распространение тюрко-монгольских завоеваний породило значительные перемены в примыкающих государствах – вплоть до берегов Дуная, затронув

Киевскую Русь и граничащие с ней польско-литовские княжества. Однако на родине самих монголов и тюрков мало что изменилось. По-прежнему кочевые племена разрушали городские поселения, шадя, однако, центры караванной торговли, и, борясь за господство, раздували очаги вспыхивавших, как эпидемии чумы, столкновений между разными племенными союзами.

¹ Римский мир (*лат.*).

² Алтын Урук – золотой род, золотое племя (*монг.*). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.)

Скудные степи, лежащие между реками Урал и Иртыш, на северо-западе Ферганы, родины Бабура, относились к вотчине Джучи – старшего и наиболее непоседливого из сыновей завоевателя. Во время правления Бату, сына Джучи, кочевая орда стала известна в Европе под названием Золотая Орда, – возможно, такое название объяснялось великолепием построек, установленных вдоль восточного берега Волги. Это о них Чосер писал:

В татарском граде Сарра проживал
Царь, что нередко с Русью воевал³.

Ханы из рода Джучи, живущие вдали от всех цивилизаций, не считая той, что существовала за стенами городов Руси, не искали сближения с остальными ханствами. Распространение ислама в этих мрачных степях происходило очень медленно. После того как центробежная сила расколола Золотую Орду, часть ее осколков, отброшенная к востоку от Волги, стала называться кипчаками или народом пустыни. Однако приблизительно в то же время, когда османы захватили Константинополь, начал образовываться новый стержень и среди кипчаков, называвших себя узбеками, что, как предполагали некоторые этимологи, происходило от тюркского словосочетания «*ozu bek*» – «сам себе голова» (точная этимология этого слова неизвестна). Вооруженные луками узбекские всадники повели активное наступление на земли, принадлежавшие роду Чагатая.

Чагатай был вторым сыном Чингисхана. Его владения находились в самом сердце Центральной Азии и охватывали часть плато Тибета. Они включали в себя степи и пустыни, простирающиеся до горной гряды, где Тянь-Шань встречается с Гиндукушем и облачными вершинами Памира. Весьма вероятно, что эти земли также были населены кочевниками, как и степи, принадлежащие узбекам. Однако кое-где островкам цивилизации все же удавалось устоять, в особенности там, где пересекались торговые пути, или неподалеку от святилищ – несторианских христиан или мусульманских, не имело значения. Такие центры, как Кашгар, Алмалык и Бишбалык, выстояли во время первого монгольского нашествия, а затем перешли к потомкам Чагатая. При них-то и пошатнулись древние законы Ясы. Храня свои сокровища за крепостными стенами городов, они, вместе со своими племенами, продолжали кочевать с зимних пастбищ, расположенных по берегам рек, на горные летние пастбища и обратно. Эти потомки Чагатая превратились в довольно неотесанную знать, престолом которой служила конская спина. Они пребывали в глубоком невежестве и не имели собственной письменности, однако вели между собой постоянные распри. Их главным городом был Кашгар, лежащий к востоку от горной гряды и в то время находившийся в зоне китайского влияния. Эта страна была известна под названием Моголистан – Страна монголов, которые, по свидетельству китайцев, ничем не отличались от разбойников.

Ханы, проживавшие к западу от горного барьера, старались оправдать звание потомков Чагатая. Их цитаделью стал обнесенный крепкими стенами Ташкент, расположенный в стороне от изъезженных степей, где проходил Великий Северный путь, которым следовали караваны, привозящие из Китая шелк. Они с трудом обороняли свои пастбища от вторжения язычников-киргизов и кочевых казахских племен, к тому же их земли лежали прямо на пути переселения узбеков, перемещавшихся на юг. К этой ветви Чагатаев и принадлежал Бабур – потомок сурового властителя Ташкента – Каменного города, который не мог правильно произнести имя своего внука.

Юго-западные окраины вотчины Чагатаев разительно отличались от остальной территории. Между двумя реками, несущими свои воды к Аральскому морю, плоскогорье прорезали плодородные долины. Здесь два древних города образовывали некие островки культуры среди

³ Перевод О. Румера. Сарра комментаторы возводят к слову «Сарай», как называли ставку Батыя. (Примеч. перев.).

полноводного океана кочевников. Бухара обязана своим расцветом многочисленным святыням и мусульманским учебным заведениям; Самарканд прославился благодаря торговле и роскоши своих дворцов. Вокруг них, на орошаемых полях развивалось земледелие. Вдоль этой цепи долин, протянувшейся между

Амударьей и Сырдарьей, ислам практически вытеснил древнюю Ясу. И именно отсюда в конце четырнадцатого века начал свое восхождение единственный великий тюрк, Тимур-и-Лэнг. Тимур сделал Самарканд своей цитаделью и превратил его в богатый город, свозя сюда добычу после набегов. Железный Хромец высоко держал знамена ислама и водил свои войска против орд кочевников, рассеяв остатки Золотой Орды Батые и Чага-тая, включая и ханов Моголистана. В последние годы своей жизни Тимур возвеличил Самарканд, разграбил земли Северной Индии, разгромил армию султанов Османской империи и добился того, что имя Тамерлан сеяло ужас в далекой Европе. Он умер в 1405 году, направляясь в Китай, где восходила звезда новой династии Мин, сменившей старую династию Юань.

Несмотря на то что столицей этого недолговечного государства был Самарканд, оно ориентировалось на западную персидскую культуру. Персидские ремесленники изготавливали изразцы для его дворцов, возвышавшихся в окружении садов, персидские поэты увековечивали подвиги великого завоевателя, который довольствовался титулом «эмир». Однако Тимур не был истинным потомком Чингисхана, имя которого он распорядился высечь на своем надгробии лишь для того, чтобы возвеличить собственные достоинства.

Войны Тимура закончились, и началась эпоха Возрождения Тимуридов – самый славный период в искусстве Центральной Азии. Правление его сына в Самарканде и внука – в Герате ознаменовалось расцветом просвещения и искусства, уподобившим эти города западной Флоренции. В течение ближайших сорока лет длился мир и все нити политической жизни государства находились в руках наследников Тимура. В 1465 году Абу Саид, принадлежавший к роду Тимуридов, провозгласил себя правителем земель, простиравшихся от Кавказских гор до Кашгара. Тогда же узбеки, наследники улуса Джучи, начали свое восхождение к власти, опираясь на законы Ясы, забытые наследниками Тимура.

После 1465 года между Тимуридами разгорелось соперничество, и тот из них, кому достался самаркандский престол, не стал прилагать особые усилия для справедливого раздела владений между своими братьями. Одному из них достался расположенный на юго-западе Герат, где царило искусство; другой брат завладел вершинами Гиндукуша, откуда брали свое начало великие реки Амударья и Сырдарья; третий брат захватил южные области и Кабул, лежащие у подножия Гиндукуша и населенные афганцами. Самому слабому из братьев досталась Ферганская долина, расположенная в восточных областях владений. Это и был отец Бабура.

Можно сказать, что судьба обошлась с Бабуром довольно бесцеремонно, когда в результате падения Тимуридов забросила его в эту забытую богом долину, лежащую у подножия заснеженных вершин, – пусть даже и неподалеку от Каменного города, оплота монгольских Чагатаев. Ферганскую долину, на протяжении долгих месяцев отрезанную от внешнего мира снегами, питал единственный ручеек – караванная дорога, идущая из Самарканда к пограничным постам Китайской империи. По сути дела, долина служила границей между землями кочевников и по-прежнему великолепным Самаркандом – между земледельцами и охотниками, наукой и варварством. Далекая и ничем не примечательная, она, казалось, была обречена на безвестность.

Однако в ее судьбу вмешалось перо Бабура. На малоизвестном чагатайском наречии⁴ он составил и записал историю Ферганы и своей собственной жизни (в книге цитируется по

⁴ Современные языковеды называют этот язык староузбекским.

«Бабу́р-наме», Ташкент, 1958, в пер. С. Азимджановой. – *Примеч. ред.*). В молчании той эпохи Бабу́р заставил услышать свой голос.

Читая эти записи, сделанные пять столетий назад, мы как будто внимаем рассказу, повданному нам у вечернего костра, когда, спешившись с коня, Бабу́р устраивался у входа в свой шатер, закончив преследование или, что случалось значительно чаще, ускользнув от преследования врагов. День за днем Бабу́р рисует перед нами картины эпохи, предшествовавшей приходу европейцев, явившихся, чтобы прибрать к рукам сокровища Востока.

В тогдашней Европе, на малоизвестном острове Англия, могущественный дворянин замыслил сместить юного короля Эдуарда и взойти на престол под именем Ричарда III; на противоположных берегах бурного Ла-Манша десятилетний Байяр проходил период своего ученичества, прислуживая на турнирах и мечтая о звании кавалера, чтобы совершать подвиги во славу французской лилии. Дальше к востоку монах Савонарола проповедовал о спасении души, запугивая собравшиеся толпы неотвратимостью кары Господней. В тот период Европой можно было считать лишь территории до восточных замков тевтонских рыцарей, посвятивших себя крестовым походам против язычников, населявших берега Балтики. Португальские эскадры рыскали вдоль западного побережья Африки в поисках пути в восточные страны. Среди участников одной из таких экспедиций нашелся особенно упрямый морской волк, заявивший по возвращении в Лиссабон, что до Азии можно добраться, держа курс на запад, – через океан. Однако требование Христофора Колумба дать ему каравеллы, чтобы повести их в этот поход, осталось в те годы без ответа.

Глава 1 Долина

Картины на стене

Бабур родился в 1483 году, в самый разгар зимы, когда снег завалил горные склоны до самых вишневых садов и перекрыл перевалы, так что в долину можно было добраться лишь по выющейся вдоль реки самаркандской дороге. Долина оказалась практически отрезанной от внешнего мира. В эти дни среди женщин, вывесивших ковры из окон ветхого дворца, поднялось ликование – родившийся младенец был первым мальчиком в семье. Его сестре уже исполнилось пять – достаточно, чтобы взять новорожденного под свое покровительство.

Со всех концов долины съезжались преданные Омар Шейху старейшины племен и правители городов, рассчитывавшие в обмен на поздравления получить от счастливого отца достойное угощение. Дела у Омар Шейха, человека более великодушного, нежели прозорливого, в последнее время шли не блестяще. Выпив запретного вина вместе с пожелавшими присоединиться к нему гостями, он велел позвать прорицателя, чтобы услышать счастливое предсказание судьбы Бабура, после чего продолжил пирушку, поминая пророчества «Шахнаме»⁵ чаще, чем суры ортодоксального Корана. В воображении Омар Шейха вставали тени его великих предков. До сих пор его любимым коньком было разведение голубей: он души не чаял в своих птицах, разносивших его послания, и терпеливо обучал их выполнению разнообразных трюков, зорко следя за тем, чтобы поблизости не появлялся сокол. С рождением Бабура Омар Шейх всем сердцем привязался к мальчику.

Когда Бабур подрос и начал делать собственные выводы, за суетливой добротой отца он распознал бессилие.

Омар Шейх «отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости. Он был государь с высокими помыслами и великими притязаниями и всегда имел стремление к захвату чужих владений. Он неоднократно водил войска на Самарканд, иногда терпел поражение, иногда возвращался против своей воли. Он был четвертым сыном султана Абу Саид-мирзы (последнего, кто сумел собрать воедино осколки империи Тамерлана). Он был невысокого роста, тучный, с круглой бородой. Халат он носил очень узкий и, стягивая пояс, убирал живот внутрь; если же, стянув пояс, он давал себе волю, то завязки часто лопались. В одежде и пище он был неприхотлив; чалму обвертывал, опуская концы вниз. Летом везде ходил в монгольской шапке.

Омар Шейх-мирза был человек чистой веры; он не пренебрегал пятикратной молитвой и часто читал Коран; чаще всего он читал «Шахнаме». Это был добродушный... человек, смелый и отважный муж это был. Стрелял из лука он посредственно, но здорово бился на кулаках; ни один йигит не мог устоять под ударом его кулака... В прежние времена он много пил, но позднее устраивал попойки раз или два в неделю. Он был человек влюбчивый... а также постоянно играл в нарды, а иногда и в кости».

В отличие от отца мать Бабура всецело посвящала себя заботам о хозяйстве, вынужденном жить плодами собственного труда. При дворе она получила прозвище Моголка, поскольку ее отцом был Юнус-хан, монгольский правитель Каменного города. (Слово «монгол» произошло в долине «могол».) Хотя она умела читать и наслаждение поэзией было ей не чуждо, вре-

⁵ «Ш а х н а м е» («Книга царей») – поэма великого персидского поэта Абулькасима Фирдоуси, мифологизированная история древнего Ирана.

мени на подобные удовольствия у нее почти не оставалось: она следила за детьми и, как могла, поддерживала пышность своего маленького двора – такого жалкого в сравнении с Каменным городом, где она провела свое детство, пока не стала женой импульсивного толстяка, одержимого голубями, вином и призрачными мечтами о победах.

Только через год ее родители приехали с севера, чтобы лично поздравить ее с рождением сына, —

Юнус-хана задержал отъезд родственников – монголов из рода Чагатаев, которые упорно держались за привычный для них образ жизни и кочевали вместе со своими стадами, захватывая добычу во время набегов. Юнус-хан не менее упорно держался за новый образ жизни, надеясь привить основы торговли и религии своему воинственному народу и, с удобством расположившись в яблоневых садах, стремился подражать мудрости Хафиза. Будучи человеком хитрым, Юнус-хан объединял своих соплеменников, готовя их к новым завоеваниям. Он был привычен к превратностям судьбы и без колебаний переселился из тюрьмы во дворец, едва лишь великий Абу Саид призвал его – прямого потомка Чингисхана – из узилищ Персии на ханский престол, отдав ему во власть осколки империи Чагатаев.

Юнус-хан, везущий подарки своему внуку, вступил в долину в полном блеске своего величия, – он ехал во главе вооруженного отряда, под завывания труб и грохот барабанов, осеваемый конскими хвостами монгольских штандартов. Тучный Омар Шейх поспешил к нему навстречу на расстояние одного дня пути, – такая поспешность объяснялась отчасти уважением к царствующему хану, отчасти сомнениями, может ли он рассчитывать на помощь опытного старого монгола или же тот, напротив, отнимет у него еще часть земель. «Несколько раз, – вспоминал впоследствии Бабу́р, – он призывал к себе своего тестя Юнус-хана. Призвав его, Омар Шейх-мирза всякий раз давал ему какую-нибудь область, и даже Ташкент [Каменный город], который одно время был во власти Омар Шейха-мирзы».

На этот раз Юнус-хан прибыл в мягком расположении духа, и, присутствуя в качестве главы семьи при первом бритье головы Бабу́ра, наградил его этим прозвищем после безуспешных попыток выговорить данное ребенку при рождении имя Захиреддин (в переводе с арабского «хранитель веры») Мухаммед. Старый монгол воскликнул, что мальчик напоминает ему тигренка. Прозвище сохранилось за будущим завоевателем на всю жизнь⁶.

Во время этого визита ребенок сумел завоевать и сердце своей бабушки, Исан. Она носила тонкий белый платок без наличного покрывала и дорожный халат, отделанный темным соболем, и все женщины молча склонялись при ее появлении. Имя Исан было окутано легендами, восхваляющими ее женскую доблесть. Юнус-хану исполнился сорок один год, когда он сделал ее своей женой, взяв из отдаленного племени, – уже тридцать лет молодая женщина разделяла с ним злоключения и триумфы и сама кормила его из своих рук из-за усиливающегося паралича. Однажды, когда Юнус-хану пришлось выехать за восточные пределы Моголистана, чтобы раздобыть зерна у своих родственников, Исан попала в руки его кровного врага, который отдал ее одному из своих приближенных. Исан подобающим образом встретила своего нового повелителя, а затем, помогая ему раздеваться, убила его, о чем и велела сообщить своему захватчику, объяснив, что он может лишиться ее жизни, но не заставит принадлежать никому, кроме Юнус-хана. Ее с почестями отправили обратно к мужу. Исан не имела никакого образования, кроме сурового жизненного опыта, но обладала присущим кочевникам чутьем на всякую опасность и умением ловко ее избегать. Ее бдительность впоследствии не раз сослужила Бабу́ру хорошую службу.

Сам же Юнус-хан предстал перед Всевышним за год до того, как Тигра, как все называли мальчика, взяли в его первое путешествие в Самарканд. В свои пять лет он уже был в

⁶ Б а б у р – видоизмененное в соответствии с тюркской фонетикой слово, означающее тигра и заимствованное из персидского языка.

состоянии оценить чудесные дворцы, стоящие среди величественных садов, и многочисленные усыпальницы под куполами, голубые изразцы которых горели на ослепительном солнце. Неизвестно, что поразило его больше – Гур Эмир, гробница легендарного Тимура, выточенные из слоновой кости фигурки животных на китайской пагоде или загадочный бестелесный голос, откликавшийся ему в «Мечети с эхом». В саду, называвшемся Усладой сердца, зал для отдыха украшали картины, на которых был запечатлен индийский поход Тимура, и мальчик, должно быть, не сводил глаз с нарисованных всадников, – так похожих на тех, что он видел в родной долине, – которые обращали в бегство удивительных боевых слонов.

Вряд ли Тигр пришел в восторг, когда в Самарканде его познакомили с будущей женой. Пятилетнюю царевну Айшу, закутанную в покрывало, вывели к нему для совершения церемонии обручения, по окончании которой она убежала прочь.

Бабу́р решил, что Айша – заносчивая девчонка, и остался при своем мнении. Видимо, куда более сильное впечатление мог произвести на него другой случай, – в те дни султан Ахмед, его дядя, готовился ко второй свадебной церемонии. Ахмед, в то время занимавший самаркандский престол, предпринял очередную попытку добиться примирения между своими братьями, втайне вынашивая планы их свержения; он и пригласил маленького Бабу́ра завершить взрослую свадьбу, сняв покрывало с лица невесты. Мальчик, добросовестно старавшийся справиться с поручением, слышал смех знатных гостей, в котором явственно звучала ирония.

Он уже научился распознавать скрытые чувства женщин, составлявших его окружение, – неприязнь Айши; покровительственную опеку своей сестры Ханзаде, которая страстно мечтала о взрослых украшениях; ласковые упреки своей заботливой матери и неусыпную опеку Исан, – все это не могло пройти для него незамеченным. На следующий год его взяли с женской половины, чтобы передать на попечение отца.

Со смертью Юнус-хана – грабителя, бывшего одновременно и защитником, – отец с сыном лишились последнего союзника среди многочисленной родни. Трех старших братьев объединяло желание выдворить Омар Шейха из его владений, и только взаимное недоверие удерживало их от воплощения этого замысла сразу после заключения перемирия в Самарканде. Поэтому, хотя тучный Омар Шейх не обладал значительными богатствами, вследствие чего испытывал недостаток в хорошо вооруженном окружении, в его руках по-прежнему оставалась густо населенная долина с плодородной землей. Она и стала первой любовью Бабу́ра – с тех самых пор, как он смог сопровождать отца в поездках по Ферганской долине.

Низвержение голубятни

«Фергана, – позднее пояснил Тигр, – находится на границе возделанных земель. На востоке от нее – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге – горы Бадахшанской границы. На севере хотя раньше и были такие города, как Алмалык и Алма-Ата, как пишут в исторических книгах, но теперь из-за нашествий моголов и узбеков они разрушены, и там совсем не осталось населенных мест.

Фергана – небольшая область, хлеба и плодов там много. Вокруг Ферганы находятся горы; с западной окраины, где Самарканд и Ходжент, гор нет; зимой ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти. Река Сейхун приходит в Фергану с северо-восточной стороны, проходит севернее Ходжента, потом снова уклоняется на север и течет в сторону Туркестана; значительно ниже... эта река, не сливаясь ни с какой другой рекой, вся впитывается в песок и исчезает».

В этих северных степях Юнус-хан выставлял конные дозоры. Теперь, на глазах у мальчика, они превратились во враждебную территорию, со стороны которой на горизонте возникали темные тучи варварских орд. Горные гряды, будучи природной границей, не могли служить защитной стеной, поскольку всадники легко преодолевали их, продвигаясь вдоль стекавших с вершин ручьев, питавшихся талыми снегами. Именно таким маршрутом пользовались караваны, прибывавшие с востока и привозившие на рынки Самарканда товары из

Киты (Китай). В те времена караваны останавливались на привал в заросших клевером лугах возле родного города Тигра, чтобы отдохнуть после дороги, которую приходилось прокладывать сквозь глубокие снега, и перегрузить свою поклажу с длинношерстных яков и пони на лошадей. Красную пустыню возле Самарканда груз пересекал уже на верблюдах.

На время зимних холодов верхние перевалы становились непроходимыми. Однажды караван был погребен на перевале под снегом, и в долину спустились только два человека, оставшиеся в живых.

«Получив об этом известие, мой отец послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар Шейх-мирза сберег товары, несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости... Справедливость его достигала высокой степени».

Омар Шейх был заботлив по отношению к другим, но не к себе. Он любил приглашать гостей в Андижан, но пренебрегал его укреплением.

Вскоре Бабур обнаружил, что в его долине существует два отдельных царства: равнина с селениями, расположенными вдоль рек, и дикая горная страна. Начав с девяти арыков, отводивших в город воду небольшой речки, – несколько лет его поражало, как вода исчезает среди домов, – он распространил свои исследования дальше, к зарослям калины и узкому ущелью, известному под названием Прыжок козы, а затем и до обзорного пункта, находящегося на заснеженной горе Бара.

Под ним расстился зеленый ковер лугов, усеянный пасущимися стадами и домиками отдаленных селений. Вокруг его наблюдательного пункта тянулись голые склоны летних пастбищ, где в непродуваемых ветром кожаных шатрах селились горные племена, окруженные скудными стадами овец и черных коз. Горцы приветствовали мальчика подношениями – миндалем или жирными фазанами. По наблюдениям Бабура, которого всегда сопровождала вооруженная стража, из одной такой птицы можно было приготовить хороший обед. Во время про-

гулок по горным пастбищам Бабур поражался чудесам природы, – он видел гранитный утес, похожий на гробницу, и отвесно стоящий камень, такой темный и гладкий, что в нем можно было разглядеть свое отражение, за что камень и прозвали «зеркальным». Горы хранили свои тайны, недоступные жителям города, – тропы, обозначенные кучками камней, предназначались для тех, кто хотел уйти в другую долину, скрываясь от преследования закона. Быстро взрослевший Тигр изучил эти тайные тропы; в обществе своих юных товарищей он охотился на белых кийиков.

В селениях случались праздники, обычно совпадавшие с приходом весны или сбором урожая; люди постарше вместе с Омар Шейхом частенько прикладывались к запретному вину и играли в нарды или кости. Весной, когда зацветали розы и тюльпаны, молодежь прикрепляла зажженные свечи к спинам больших черепах, чтобы побродить по саду после захода солнца. Когда поспевали дыни, все съезжались на конские состязания.

Казалось, города запомнились беззаботному Тигру в основном своими вкусными плодами и спортивными состязаниями. В древнем Ходженте, там, где караванный путь подходил к реке Сыр, собирали самые сочные гранаты, а на кишаших змеями холмах добывали превосходную бирюзу. Бабур наслаждался начиненными миндалем сушеными абрикосами из Маргилана, который также славился лучшими кулачными бойцами. В этом городе что ни день случались шумные уличные сражения, и не случайно сложилась поговорка: «Все драчуны – из Маргилана». Над рекой возвышался город, которому предстояло стать для Тигра домом. Ахси была самой старой и неприступной крепостью в долине; сначала Омар Шейх поселился здесь, но затем передумал, оставив в крепости только голубятню. Ветры пустыни гуляли среди голых камней крепости, защищающей город.

«Река Сейхун течет под крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там служат глубокие овраги. Пригороды тянутся на расстояние более одного шери от крепости. Поговорку «Где деревня, а где деревья?», вероятно, сказали про Ахси. Дичь в Ахси очень хороша, там много белых кийиков. Дыни там бывают очень хорошие; неизвестно, существуют ли еще где-нибудь в мире такие дыни».

Бабур никогда не забывал этих тяжелых желто-вато-коричневых дынь, таких вкусных, что их называли в честь Тимура-повелителя. Однако Омар Шейх решил перевезти свою семью в Андижан, расположенный на восточном краю долины, и, судя по всему, Бабур не был в восторге от такого решения. Он сообщает, что Андижан был со всех сторон стиснут крепостными стенами, а его улицы стекались к дороге, шедшей вокруг крепости. Роль крепостного рва выполнял обыкновенный ручей, – обстоятельство, которое вскоре едва не оказалось для Бабура фатальным.

Здесь, расположившись во фруктовом саду, Бабур получал образование при содействии своего наставника. Зимой они занимались в зале, отапливаемом жаровнями. Мальчику следовало много читать, – когда ему исполнится одиннадцать, у него не будет времени на чтение. Тот же учитель наставлял и его младших братьев во всем, что касалось чисел, расположения небесных светил, традиций ислама и истории его семьи, поколения которой восходили к Тимуру и Чагатаям. В памяти Бабура, обладавшего живым любознательным умом, откладывались любопытные подробности. Он замечал, как его наставник, такой требовательный во время занятий, в другое время был распутен и лестью завлекал в свою постель красивых мальчиков. Другой же наставник, сообщает он, был «распутный, вероломный и недостойный лицемер».

С ранних лет вокруг мальчика звучали по меньшей мере три языка, и он легко освоил старый тюркский язык его родины, а также персидский диалект городских улиц и литературные персидский и арабский языки, свойственные образованным людям. Игра слов зачаровывала его. Глубоко интересуясь всем, что происходило вокруг, он стремился донести до жителей родной долины сказания религиозных мудрецов, ходжей, и красноречивые творения поэтов. Он декламировал строки из великой «Шахнаме», – ему казалось, что она воспекает совсем

недавние события: победы и поражения героических царевичей, так же, как и он сам, живших в маленьких долинах.

Юный Тигр обладал практическим умом и стремился познать все загадки, с которыми ему приходилось сталкиваться. Среди книг, хранившихся в крепости Андижана, лишь немногие были недоступны его пониманию. Стихи провидца Руми намекали на то, что под звездным небом все находится во власти таинственных существ, – Они, Не имеющие имени, являлись человеку во сне. Его отец умел чудесно декламировать Руми, но обливался потом, когда пытался объяснить эти тайны. Бабур сумел выяснить у своего отца единственное – все тайны бытия известны некоему Ахрари, Учителю святых людей. Но Ахрари никогда не заглядывал в далекий Андижан, в крепость с обвалившимися стенами. Лишь странствующие звездочеты приходили туда, чтобы получить еду и несколько серебряных монет за свои предсказания.

Прислушиваясь к вечерним разговорам, мальчик заключил, что домашний уклад его далеких дядей во многом схож с укладом его семьи. Несмотря на всю свою сноровку в играх и любовь к дорогим винам и коврам, ни один из четырех сыновей Абу Саида не мог похвастаться богатствами; а поэтов, слагавших в их честь хвалебные оды, нельзя было даже сравнивать с Руми; великодушные и беспечные, они грелись в лучах заимствованной славы, – обычные искатели удачи, снедаемые желанием превзойти и ограбить один другого.

Свои надежды, связанные с Самаркандом и наследным престолом, Омар Шейх возложил на сына, рассчитывая впоследствии захватить и сам Ташкент. Хотя Омар Шейх был плохим стрелком и неуклюжим наездником, именно он настоял на том, чтобы Бабура начиная с десятилетнего возраста обучали владению оружием. Однако, отданный в руки наиболее искусных воинов, Бабур все равно не расставался со своими книгами. Тренировками для него служили регулярные выезды на охоту, а также эпизодические военные рейды за реку. Распри с горцами не ограничивались отдельными стычками; нападения следовало опасаться в любую минуту, и наставники Бабура внушали ему, что он должен быть готов к нему постоянно, особенно в самый неподходящий для себя момент – когда спит или собирает яблоки. Воин по прозвищу Живодер, отличавшийся замечательной храбростью, но недалекий умом, учил мальчика облачаться в свободную кольчугу и легкий стальной шлем сидя на спине лошади, поскольку пеший человек ни на что не годится. Живодер показывал Бабуру, как управляться с короткой изогнутой саблей, как пользоваться круглым щитом и делать обманные движения в седле; он учил его стрелять из короткого тюркского лука по цели, движущейся впереди или позади него. Перед тем как попасть к Омар Шейху, опытный Живодер состоял на службе у Юнус-хана.

Седеющий Касим, полновластный вельможа, не придавал большого значения искусству поединка, говоря, что в голове у овечьего пастуха Давида было больше здравого смысла, чем у вооруженного мечом Голиафа, и что Бабур должен первым наносить врагу сокрушительный удар с помощью стрел. Этих слов Бабур не забыл, но не был уверен, заслуживает ли Касим такого же доверия, как скудоумный, но испытанный Живодер. Для него было очевидно, что на господ высокого ранга, поглощенных собственными амбициями, нельзя полагаться в той же степени, как на обычных слуг. Еще один вельможа, Ибн-Якуб, обучил его приемам, позволяющим управлять лошадью с помощью коленей. Двигаясь быстро, говорил Якуб, ты становишься неуязвимой целью. Якуб был храбрым и воинственным; он принимал участие в спортивных развлечениях мальчиков, подбадривая их во время игры в конное поло или чехарду. Если царственный орел, говорил он Бабуру, не расправит над тобой свои крылья, то твои кости достанутся черному ворону. Этим он хотел сказать, что без надлежащей протекции и царевич может погибнуть, как обычный бродячий попрошайка. Якуб был склонен к иносказаниям.

Неграмотный Касим выражался без околичностей. Несмотря на то что летом 1494 года пастбища были тучными, а в полях созрел хороший урожай, опасения Касима вызывало то, что было скрыто от их глаз. Он сообщил, что султан Ахмед, старший из дядьев Бабура, добился взаимопонимания с Махмуд-ханом, первым сыном Юнус-хана, и что кони этой парочки

пасутся на подступах к Фергане. Это, заявил Касим, означает войну, а Омар Шейх, правитель Ферганы, которому следует призвать своих подданных к оружию, просто уехал полюбоваться своим урожаем и голубями, бросив Андижан на попечение судьи – достойнейшего человека, но отнюдь не воина.

Преподобный кади, род которого славился своей праведностью даже в Самарканде, не соглашался ни с весельчаком Якубом, ни с опытным Касимом. Судья утверждал, что не существует лучшей защиты, чем помощь Всевышнего; нет никаких законов, кроме священных заповедей. Рано или поздно Тигр сам в этом убедится, заверял он. Бабур недоумевал: возможно ли, что его отцу, человеку широкой души и обаятельному в общении, по-прежнему тешившему себя запретным одуряющим напитком, нардами и костями, тоже было доступно нечто подобное?

Однажды, ясным летним днем, когда Омар Шейх отбыл в скальную крепость Ахси для инспекции голубятни, Бабур, прихватив своих соколов и веселых приятелей, отправился в сад, расположенный на холмах в предместьях Андижана, где собирался отдохнуть в прохладном павильоне после соколиной охоты. (Омар Шейх не позволял заниматься этим поблизости от своих голубей.) В этом саду и застал его гонец. Все произошло в понедельник.

«Случилось удивительное происшествие, – рассказывает Бабур. – Голубятня упала со скалы вместе с голубями и Омар Шейхом, который совершил таким образом перелет в мир иной... В месяце рамазане года 899⁷ я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни».

⁷ Дата приводится по летосчислению хиджры, принятому у мусульман.

«Как галька, выброшенная на берег»

Поддавшись первому побуждению, Бабур помчался во дворец. Он всегда был порывист и обычно не тратил времени на размышления. Поручив своего сокола одному из спутников, он вскочил на коня и пустил его галопом; остальные устремились следом. На первой же улице города его перехватил полновластный вельможа и, схватив коня за узду, отговорил Бабура от возвращения во дворец, где его могла ждать засада. Ферганская долина осталась без защитника; со смертью Омар Шейха любой высокородный бек, имевший при себе надежное войско, мог забыть о своей преданности его роду. Всадники промчались по городу, направляясь к Воротам Молитв, обращенным к террасам южных склонов. Скрывшись в этом направлении, Бабур мог бы выждать некоторое время, наблюдая за развитием событий с безопасного расстояния.

Однако возле самых ворот их перехватил пожилой слуга с поручением от судьбы, в котором тот просил Бабура немедленно прибыть во дворец. Бабур не стал медлить и застал почтенного кади и горстку преданных вельмож в момент жаркого спора о том, что следует сделать для мальчика, поскольку тот не способен взять на себя управление страной. «В те дни, – как позднее написал индийский историк, – он был как галька, выброшенная на берег».

Оставалось надеяться лишь на то, что беки, получившие земли из рук Омар Шейха, не изменят своей клятве верности. В противном случае ситуация складывалась настолько скверно, что хуже и представить себе невозможно. Слабовольный отец Бабура оставил ему в наследство все свои междоусобные распри с более могущественными родственниками. Один из них, Ахмед, уже выступил из Самарканда, и западные области открыли перед ним ворота своих городов. Войско Ахмеда приближалось к городу, в то время как старший сын Юнусахана, бывший на тот момент его союзником, пересек реку Сыр и продвигался к Ахси, грозя отрезать находившуюся там мать Бабура и его младшего брата. На перевалах восточных гор, где проходил караванный путь, ведущий в Китай, были замечены и другие враги.

Судья отверг довольно бессвязные предложения относительно организации обороны. Единственный выход для царевича, объявил он, в том, чтобы воззвать к самому доброму и могущественному из завоевателей, к его дяде Ахмеду, повелителю Самарканда, который по счастливому совпадению является отцом его будущей жены, и, кроме того, верен заветам Господа.

Бабур немедленно согласился. Позднее он набросал красноречивый портрет султана Ахмеда, которому в то время было около сорока лет.

«Он был прост и неотесан и не обладал никакими дарованиями. Тюрбан наворачивал по обычаю того времени: в четыре оборота, неизменно совершал пятикратную молитву, и даже во время винопития, которое длилось порой двадцать – тридцать дней подряд, не пренебрегал молитвой; иногда, воздерживаясь от чаши, он не пил тоже по двадцать – тридцать дней, но ел много возбуждающих средств. Хотя султан Ахмед-мирза вырос в городе, он ничего не читал. Однако он был человеком чистой веры и большинство важных дел решал согласно пути закона. Будучи человеком очень вежливым, он никогда не скрещивал ноги, не считая того случая, когда в том месте, где он сидел, нашли торчащую из земли кость. Стрелял из лука он очень хорошо и, проносясь с одного конца ристалища до другого, в большинстве случаев по несколько раз сбивал укрепленную на шесте мишень. В более позднее время, когда он сильно растолстел, Ахмед охотился на фазанов и перепелов с ловчими ястребами. По природе это был человек простой, немногословный и отличавшийся скупостью; воля его была в руках беков».

Следуя советам судьи, Бабур поспешил отправить гонца к султану Ахмеду, чтобы выразить ему свою покорность как «сын и слуга» и попросить у него разрешения остаться в городе. Замысел провалился; Ахмед, человек по натуре беззлобный, был склонен принять предложение, но пошел на поводу у беков, которые сочли бессмысленным уступать мальчишке то, что само плыло им в руки. Не давая коням передышки, они гнали их по направлению к Андижану.

Андижан, в те времена благословенное местечко, получившее в подарок от судьбы плодородные поля и близость оживленных торговых путей, совсем не напоминал крепость. Невысокая цитадель стояла на берегу реки; канаву, служившую крепостным рвом, засыпали, и на ее месте образовалась улица. К тому же городское население не имело ни малейшего желания отстаивать интересы царевича с оружием в руках. Основную массу населения, будь то торговцы, крестьяне или ремесленники, составляли таджики, исконные обитатели этих земель, предпочитавшие не вмешиваться в распри своих повелителей – воинственных монголов и тюрков, вторгшихся в их горную страну несколько веков назад.

Беки с той частью армии, что встала на сторону Тигра, – среди них был и Якуб, – приняли попытку залатать бреши в крепостных стенах и запастись провизией на городском рынке. Тем временем Живодер убедил вельмож выехать из города вместе с царевичем, чтобы по крайней мере выяснить, каковы планы неприятеля. Небольшой отряд тайно покинул город, и судья заметил, что им следует верить свою судьбу в руки Аллаха...

Дойдя до обмелевшей реки, беглецы заметили на противоположном берегу темную массу – это были всадники султана Ахмеда. Дальнейшее поразило Бабура, который испытал в тот день настоящее потрясение.

Самаркандское войско несло во весь опор. Увидев на другом берегу андижанцев, всадники резко свернули к воде. Через глинистую жижу и топкие берега был перекинут единственный мост, у въезда на который и сгрудились атакующие, пока лошади под ними не начали падать в трясины, а охваченные паникой верблюды – разбежаться в разные стороны. Никто из военачальников так и не появился, чтобы навести порядок. Так продолжалось до темноты, под покровом которой самаркандцы унесли своих раненых и скрылись в неизвестном направлении. Больше они не появлялись. Бывалые полководцы объяснили Бабуру, что однажды самаркандское войско уже потерпело поражение на этом самом мосту и теперь суеверные испугались, что на них восстали призраки погибших. Добродушного султана Ахмеда и многих его приближенных внезапно сразила болезнь. Судя по всему, он внял своим советникам и отвел войско.

Однако впечатлительный Бабур, нервы которого были взвинчены до предела, не сомневался, что в этой первой встрече с врагом сам Аллах выступал на его стороне.

Удивительный поворот судьбы, вызванный происшествием на мосту, сказался и на судьбе крепости Ахси. В отличие от Андижана древняя столица долины, укрывшаяся среди скал, представляла собой мощное укрепление. Находившиеся здесь беки из свиты Омар Шейха успешно отразили атаки сына Юнус-хана, который тоже предпочел отступить, услышав об отходе султана Ахмеда. Итак, в июне этого года отчаянная храбрость горстки решительно настроенных людей спасла восточные области долины для Бабура, который никогда не забывал о проявлении высшей силы, которому был свидетелем.

Только теперь он поспешил в Ахси, к недавно построенной усыпальнице Омар Шейха. Она была возведена на скале, и по ее стенам неустанно расхаживали ручные голуби, лишившиеся своего хозяина и голубятни. Омар Шейх при жизни кормил их ежедневно. «Его щедрость не знала границ, – размышлял Бабур, – и такой же была его душа». Он неторопливо обошел вокруг усыпальницы, прочитал соответствующие молитвы, затем, как предписывал обычай, раздал подаяние толпившимся в ожидании нищим. Перед уходом он приказал одному из доезжачих ежедневно насыпать голубям корм.

Большая часть его спутников выступила в поход, чтобы выбить вражеских всадников с восточных перевалов. Тем временем Тигр перевез свою семью обратно в Андижан. В знак

траура его мать дала обет молчания. Моголка была из тех женщин, что всецело посвящают себя домашним заботам; она могла лишь беспокоиться за своих легко возбудимых детей, но была бессильна помочь им советом. Совсем другой была бдительная бабушка Бабура. «Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан Даулат-биким, – комментирован Бабур, – она была очень умная и рассудительная женщина».

Исан обосновалась в башне над воротами цитадели, откуда могла наблюдать за входящими и выходящими посетителями и немедленно объявила войну привязанности, которую Тигр питал к своим близким товарищам. Она приводила старую поговорку о том, что цари не знают родства, и была категорически против назначения Якуба, остроумного собеседника и опытного игрока в поло, на должность министра. Судя по всему, Якуб замыслил в одиночку заключить перемирие с правителями Самарканда, которые прислали за ним, чтобы пригласить в свой город на свадебные торжества. Исан вызвала в свое орлиное гнездо почтенного кади, а затем и сурового Касима. Затем она пригласила Тигра и разбранила его. Она заявила, что он всегда был упрям и никогда не допускал, чтобы кто-нибудь влиял на него и вынуждал делать что-то вопреки его желанию. Такой властолюбивый министр, каким был Хасан Якуб, мог бы без труда справиться с его сводным братом Джахангиром (это имя, означающее «повелитель вселенной», было излюбленное в роду у Тимуридов), которому исполнилось всего десять лет.

Ее внук, настаивала Исан, должен, не теряя времени, решить первоочередную задачу, стоящую перед любым правителем: следует раздать земли своим приближенным, не забыв ни знатных, ни простых, одновременно определив каждому его обязанности. Поступив так, он заручится преданностью своих беков. Поскольку он медлит, Якуб уже распределяет должности среди собственных приближенных.

Бабур напомнил, что Якуб сумел добиться так необходимого им перемирия и отказался от поездки в Самарканд. Почему даже после этого он не заслуживает доверия? Исан догадывалась, что доверие ее внука новому министру основано на личной привязанности. Оставшись в Андижане, Якуб не прерывал связи с Самаркандом. Он был достаточно изворотлив и понимал, что, заручившись вооруженной поддержкой самаркандских беков, сможет дожидаться удобного момента, чтобы сместить старшего сына Омар Шейха и провозгласить формальным правителем Джахангира.

Отсутствие Султан Али

В последующие несколько недель Бабур ничего не подозревал, заметив только высокомерие полновластного Якуба по отношению к ветеранам, которые вследствие этого старались держаться подальше от дворца. Исан, однако, замечала гораздо больше и созвала в свою башню обиженных беков, а также Касима и судью. Не ставя юного повелителя в известность, они в сопровождении вооруженных стражников отправились за Якубом в его апартаменты. И не нашли его. Сообразительный министр Бабура сбежал за реку через Ворота Молитв и удалился по дороге к Самарканду. Касим снарядил погоню, но преследователям удалось лишь выяснить, что Якуб, прихватив с собой вооруженный отряд, свернул в сторону Ахси, очевидно рассчитывая захватить крепость, чтобы заручиться милостью предполагаемых самаркандских союзников. Последовавший за этим инцидент произвел на юного Тигра неизгладимое впечатление. Якубу удалось перехитрить методичного Касима, и однажды ночью он со своим отрядом мятежников атаковал походный лагерь последнего, в результате чего сам был ранен в темноте своими же людьми. Стрела, попавшая Якубу в ягодицу, мешала ему как следует держаться в седле, он соскользнул на землю и был убит в схватке. «Такая расплата ждала его за предательство», – сделал вывод Бабур.

В результате он принял вполне мальчишеское решение подчинить свою жизнь строгим правилам. Начал воздерживаться от мяса животных, запретных для мусульман, следил за чистотой скатерти и столовых приборов и поднимался на полуночную молитву. Назначил Касима управителем дворцового хозяйства и повелителем Андижана. Исан не возражала против этого назначения.

В ту осень снег перекрыл дороги в Ферганскую долину, дав юному монарху короткую передышку.

Но в следующем, 1495 году из внешнего мира пришли зловещие известия.

Умер благодушный и нерешительный султан Ахмед. Он был последним олицетворением мощи Тимура. Горные районы, где и в дни правления Омар Шейха и его братьев царил хаос, оказались втянутыми в распрю между двоюродными братьями, каждый из которых мог похвастаться собственным крошечным войском и унаследованной от Тимуридов дерзостью. Из-за реки стали появляться отряды монголов, ищущих новых земель или иной добычи. Сам Самарканд превратился в арену, где заговорщики боролись с предателями, а горожане поднимались на защиту своего имущества от грабителей, кичившихся новомодными пороками. Солдаты, ставшие истинными хозяевами города, подстрекали шутов к непристойным выступлениям и расхаживали по улицам об руки со своими мальчиками. «Сыновей своих беков, беков своих сыновей и даже сыновей своих сводных братьев они брали в бачи⁸, – сообщает Бабур. – Не осталось ни одного богатого человека без бачи».

Верный своей манере подвергать жестокой критике все то, что вызывало у него отвращение, Бабур нарисовал мрачную картину творившихся в Самарканде бесчинств, – однако на этот раз в его душе зрело новое решение. Смерть Ахмеда, так быстро последовавшего за Омар Шейхом, казалась ему предзнаменованием. Еще не имея опыта заговорщика, он не стремился к нему, пока это не противоречило его целям. Он обладал несомненным даром завоевывать симпатии и, вопреки Исан, во многом рассчитывал на него. Обе женщины – Исан и Ханзаде – сокрушались о прежних временах, когда Омар Шейху подчинялись и те города, что были расположены вдали от Ферганы, и смаковали подробности жизни при не существующих теперь пышных дворах. Хотя изолированность Ферганы обеспечивала им защиту, но ее надежность вызывала у женщин скептическое отношение.

⁸ Бачи – мальчик для любовных утех.

Под впечатлением от их разговоров у Бабура постепенно созрела мысль, которая со временем превратилась в его собственную: ради того, чтобы заполучить Самарканд, он готов был поставить на карту все, что имел. Бессмысленно сидеть в Андижане и бездействовать, решил он. Если ему суждено занять престол, то это должен быть престол Тимура.

Учитывая обстоятельства, этот замысел казался безнадежным. Но мальчик не оставлял его, и он превратился в непоколебимую уверенность. За два года его приближенные не добились ничего, не считая захвата одного-двух приграничных городов. В то же время кое-кто из беков и грабителей-монголов искал с ним встречи, чтобы предложить ему свою службу – в обмен на должное внимание к своим усилиям. Юный Тигр устроил своим новым подданным довольно церемонный прием. «Я принял их на разложенных на возвышении подушках, в полном соответствии с обычаями государей из рода Тимура». К нему приблизились трое мелкопоместных султанов, и он «поднялся, чтобы оказать им честь, и усадил на ковер по правую руку».

Монголы проявляли полную необузданность, и Бабур приказал Касиму казнить несколько человек в назидание остальным. Касим выполнил приказ, хотя через несколько лет это вынудило полновластного вельможу расстаться со своим государем, поскольку он опасался мести со стороны монголов, ставших его кровными врагами.

Пока Самарканд сотрясали внутренние конфликты, сменявшиеся как в калейдоскопе, державшийся поодаль Тигр мог воспользоваться создавшимся преимуществом. Большая часть побежденных переходила в его команду, в которой, по крайней мере, не было внутренних разногласий. Султан Али, один из его двоюродных братьев, чудом избежавший ослепления раскаленным клинком, дал нерушимую клятву быть верным союзником Бабура.

Они с Султан Али условились, что в мае 1497 года, когда трава нальется соком, Бабур выступит на запад и двинется на Самарканд во главе своего мизерного войска, состоящего из беков, солдат и прислуги. Ему не пришло в голову, что таким образом он лишит всякой защиты Андижан, где остается Исан вместе с его младшим братом Джахангиром. Позднее станет ясно, что он совершил ошибку.

Полный решимости Тигр двинулся к Самарканду, захватывая по пути города и пополняя армию. Возле развалин очаровательной горной деревушки в Ширазе он с удовольствием принял на службу несколько сотен хорошо вооруженных воинов, среди которых был некий Тоший бек. Гораздо позже Бабур выяснил, что этих людей послали из Самарканда, чтобы помешать ему захватить Шираз! Поэтому, когда Султан Али, поклявшийся быть его верным союзником, не соизволил появиться с восточной стороны, Бабур не испытал никаких сожалений. Истинная его суть заключалась в том, что он родился искателем приключений, а вовсе не основателем империи. Ему приходилось учиться управлять страной, основываясь на собственном горьком опыте.

После молитвы, прочитанной в честь появления на небе молодой луны, означающей окончание поста месяца Рамазана, его противник разбил свой лагерь в садах, расположенных на склонах гор, в виду серых стен и ослепительных куполов цитадели Тимура. Бабур с восторгом следил за схваткой своих отчаянных молодцов с воинами гарнизона. И тщательно отмечал любую мелочь, которую можно было истолковать как счастливое предзнаменование.

В один из последующих дней было совершено нападение на двух самаркандских вельмож, решивших насладиться прогулкой по саду и выехавших за пределы городских стен. Первый, султан Танбал, был ранен копьем, но остался в седле; второй, городской судья, погиб на месте. «Он был достойным человеком и очень образованным, – писал Бабур в своем дневнике. – Мой отец однажды выказал ему свое расположение и назначил его хранителем печати. Он превосходил многих других в соколиной охоте и умел предсказывать по погодному камню».

Юный Тигр становился все более суеверным. Однако при этом он обладал практической жилкой, которая не подвела его в случае с ограблением торговцев. Как только вражеское вой-

ско захватило предместья Самарканда, оно тут же разграбило все продовольственные запасы, какие только можно было найти в этой плодородной долине и нехватка которых так удручающе ощущалась в гарнизоне. Торговцы и горожане, словом, все, кто не принимал участия в военных действиях, приноровились заглядывать на базар в лагере Бабура, чтобы раздобыть съестного. Однако солдаты Бабура не смогли удержаться от искушения и в один прекрасный день напали на торговцев и дочиста их обобрали. Узнав об этом происшествии, Касим-бек, а также и сам Бабур потребовали восстановить справедливость, для чего приказали принести все украденные товары, чтобы возвратить их населению. «Прежде чем закончилась первая стража на следующий день, не осталось ни одного лоскута или даже сломанной иголки, не возвращенной своему владельцу». (А у монгольских стрелков, которые участвовали в грабеже, появился еще один повод отомстить Касиму.)

Единственная попытка андижанцев взять штурмом хорошо укрепленный город кончилась неудачей. Кое-кто из горожан предложил свои услуги, чтобы ночью провести осаждающих в город через Пещеру Влюбленных; однако те, кто последовал за проводниками, наткнулись на засаду, и некоторые из приближенных Бабура погибли.

На исходе лета, когда солнце переместилось в знак Весов, полководцы Бабура начали задумываться о приближающихся зимних холодах и приняли решение перевести войско из открытого лагеря в заброшенные укрепления, расположенные на севере в горах, чтобы люди могли устроить для себя крытые жилища. Во время этих перемещений случилось нечто такое, что могло положить конец осаде.

Прибывшие фуражиры доложили, что на восточной дороге появились неизвестные всадники. Бабур понадеялся, что это гонцы союзников, но над темной массой развевался незнакомый штандарт, украшенный конским хвостом; всадники в грубой одежде передвигались без обоза или прислуги и не выслали вперед гонца, чтобы сообщить о своем приближении. Монголы, состоявшие на службе у Тигра, быстро узнали в них узбекских воинов из-за реки. Распространился слух о том, что кочевников призвал на помощь юный султан Байсункар, осажденный Бабуrom в Самарканде.

Бабур, слабо разбиравшийся в военных хитростях, отреагировал достаточно быстро. Возможно, в этот затруднительный момент именно его неведение и сыграло ему на руку. Возможно также, что, вспомнив о стойкости своих немногочисленных товарищей, которые сумели отстоять Андижан, он созвал находившихся поблизости всадников и повел их на молча надвигающихся узбеков. То, что произошло дальше, не было похоже на обыкновенную стычку между противниками, участвующими в междоусобной расправе, – перед его войсками стоял их извечный враг; все андижанцы устремились на холм, чтобы встать под знамя Бабура.

Очевидно опасаясь ловушки в неясной для него ситуации, Шейбани-хан, предводитель узбеков, остановил свое войско. Весь день две армии стояли друг против друга, лицом к лицу; всадники Бабура противостояли кочевникам, искавшим повода вмешаться в столичные неурядицы. Шейбани-хан был старше Бабура и считал, что вина за смерть его отца лежит на Юнусхане. К вечеру узбеки отошли на безопасное расстояние и стали лагерем, а на следующий день, увидев, что самаркандский гарнизон не делает ни малейших попыток выйти из города, чтобы соединиться с ними, они снова исчезли, двинувшись к северу.

Так закончилась первая встреча Бабура с Узбеком, которому на ближайшее десятилетие суждено было стать его самым проницательным и победоносным противником.

Сто дней в Самарканде

В конце концов Бабуру удалось взять осажденный город штурмом. Запасы продовольствия были на исходе, а между тем приближалась зима. За время правления султана Байсункара горожане натерпелись достаточно лишений – и великодушные Бабура по отношению к торговцам только укрепило их в этом убеждении. Им внушали страх узбеки, так и не пришедшие Байсункару на помощь; правящая верхушка разбежалась по своим уделам, и сам Байсункар с несколькими сотнями приближенных бежал в южные области, рассчитывая на покровительство давних союзников своей семьи. Но еще до его бегства к зимним укреплениям Бабура потянулись горожане и юноши из знатных семей. Сопровождаемый этой свитой, Тигр въехал в цитадель и сошел с коня в дворцовом саду.

Он стал повелителем столицы Тимура и всей долины, что, несомненно, не могло случиться без помощи Всевышнего. Счастливый сын Омар Шейха составил краткий обзор города, который он видел десять лет назад, будучи ребенком. «Самарканд построен Искандером⁹, – сообщает он. – В обитаемой части земли мало городов таких благоприятных, как Самарканд. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, его называют «город, хранимый Аллахом». Я приказал обмерить шагами поверху внутреннюю стену крепости, – вышло десять тысяч шестьсот шагов».

Приступая к изучению какого-либо места, Бабур брался за дело основательно, перечисляя обычаи и описывая все привлекательные особенности. Самарканд славился богатыми собраниями произведений просвещенных философов и толкователей закона; его население придерживалось ортодоксальных религиозных взглядов ханафитского толка¹⁰. Река, бравшая свое начало на горе Кухак, орошала своими каналами всю долину, и на богатой почве произрастали самые сочные яблоки и черный виноград, называемый *сахиб*.

В крепости «Тимур-бек воздвиг большое строение в четыре яруса, Кёк-Сараем¹¹ называется. Очень высокая постройка. Еще, близ ворот Аханин, внутри крепости, он поставил соборную мечеть, каменную. На переднем своде мечети стих Корана: «И вот воздвигает Ибрахим основы...» Это тоже очень высокое здание».

В одном месте, возле городских ворот, находились руины медресе и монастыря аскетов, внутри которого находилась усыпальница Тимура и гробницы его потомков, которые «царствовали в Самарканде».

Окрыленный Бабур и себя причислял к этому славному обществу. Разве не прославился Улугбек, то есть Великий Бек, внук завоевателя, как один из самых образованных людей на свете? Улугбек истолковал «Альмагест» Птолемея, «...высокая постройка Улугбека-мирзы – обсерватория у подножия холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. В ней три яруса. Улугбек-мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы», которыми теперь пользуются во всем мире».

(В результате современных археологических раскопок в основании этого круглого здания обнаружен громадный мраморный секстан с радиусом более 130 футов, правильно сориентированный на меридиан.)

Бабур – в меру своих возможностей – был в состоянии оценить математический подвиг по составлению звездных таблиц, охватывающих многие годы, как в прошлом, так и в буду-

⁹ Самарканд под названием Мараканда известен с 329 г. до н. э.; Искандер – Александр Македонский.

¹⁰ Ханафитский толк (аль-ханафита) – один из правоверных толков ислама; его придерживаются мусульмане России и исламских стран СНГ.

¹¹ Кёк-Сарай – Голубой дворец.

щем. Ему был известен случай, который подтверждал поразительную память Улугбека. Охота доставляла царевичу не меньшее удовольствие, чем его научные занятия. По вечерам он делал подробные записи в особой книжке о поимке животных самых разных видов. Прошло чуть больше года, и книжка пропала. Тогда скрупулезный Улугбек по памяти продиктовал все ее содержание. Позже пропавшая книжка нашлась. Все записи в ней, кроме трех или четырех, совпали с тем, что было продиктовано Улугбеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.